

Л.Е.Бляхер

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА РОССИИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка описать политическую форму России исходя из специфики ландшафта Северной Евразии, а также особенностей расселения и хозяйствования на этой территории. В качестве важных характеристик, детерминированных названными факторами, автор выделяет исходную автономность и автаркичность домохозяйств, отсутствие у локальных сообществ потребности во внешних по отношению к ним инструментах и формах макросоциальной организации (в том числе политических). Вместе с тем, как показано в статье, для внешних сил (оседлых цивилизаций) эксплуатация таких сообществ была экономически бессмысленной, поскольку издержки контроля над пространством Северной Евразии превышали блага, которые могло принести изъятие прибавочного продукта.

В особых условиях, связанных прежде всего с климатическими капризами, локальные сообщества, однако, объединялись в большие системы, предполагавшие политическое оформление. Власть в этом случае занимала пограничное положение между обществом и экзогенной по отношению к нему высшей силой, выступая медиатором политических смыслов. При этом она не столько изымала прибавочный продукт, произведенный в обществе, сколько распределяла ресурс, полученный извне, из оседлой цивилизации. Распределение осуществлялось в соответствии с местом индивида в иерархии, его близостью к медиатору. В зависимости от источника высших смыслов, способа получения монополии на их трансляцию, вариантов обретения распределяемого ресурса и принципов распределения выстраивалась политическая форма — «общее платье» для разных сообществ, включенных в политическое тело.

Проявление этих особенностей, в принципе свойственных Северной Евразии, рассматривается автором на примере складывания и эволюции политических форм Руси, России, СССР, РФ.

Ключевые слова: политическая форма, власть, уважение, Северная Евразия, Россия, кочевые народы, оседлые цивилизации, издержки контроля, автаркия, домохозяйство, империя

Российская политическая форма, пожалуй, одна из наибольших загадок политологии, причем не только отечественной. Дело в том, что и описание российской политики в 1990-е годы («демократия с прилагательными»¹), и характеристика политической структуры последних лет («гибридный режим») так или иначе выламываются за рамки традиционной политической науки, ускользая от определения. Сами термины, приведенные выше, свидетельствуют лишь о более или менее остроумных попытках примирить наблюдаемую реальность и существующий инструментарий. И подобные сложности отнюдь не порождение последнего, постсоветского, периода истории России. Не меньше проблем возникало и возникает при описании советского режима², да и с политической структурой Российской империи все обстоит непросто. В настоящей работе я попробую вкратце обрисовать те структуры, которые, сочетаясь определенным образом и перегруппировываясь под влиянием ограниченного числа факторов (о них будет сказано ниже), задают эволюцию политической формы, присущей не только политическому организму России, но и политике особого региона мира — Северной Евразии. Но прежде чем приступить к решению этой задачи, необходимо оговорить, что именно я понимаю под политической формой.

¹ Шитова 2015.

² Engerman 2009.

Разговор о политической форме

Разговор о политической форме относится к числу древнейших в политической науке и политической философии, восходя еще к «Афинской политике» Аристотеля³. Одной из причин, вновь и вновь актуализирующих проблематику, связанную с политической формой, выступает даже не столько многозначность самого понятия, сколько его интуитивная ясность. Эта интуитивная ясность часто делала определение понятия «политическая форма» избыточным (и так очевидно, о чем идет речь), однако рано или поздно она натывалась на иную интуитивную ясность, сталкивалась с ней. В этот момент и вспыхивала полемика, где рефлексия по поводу политической формы обретала новую остроту⁴.

³ Аристотель 1937.

⁴ Показательным примером может служить полемика Михаила Ильина и Святослава Каспэ на страницах «Политии» (См. Ильин 2014, 2015; Каспэ 2015).

Стоит отметить, что рефлексия в этом пространстве (как правило, успешная) порождала (и порождает) вполне рабочие и логичные определения. Но спустя какое-то время ситуация повторялась, и политическая форма опять становилась понятием интуитивно ясным (пусть другим, чем была до конкретной полемики). Причина здесь, как представляется, состоит в специфике категориального аппарата социальных наук. Как не единожды отмечалось⁵, в отличие от категорий наук естественных, на каком-то этапе отрывающихся от обыденного словоупотребления, социальные категории никогда не могут оторваться от обыденности. В противном случае они утрачивают связь с той реальностью, которую описывают. Более того, рожденные в ходе коллективной рефлексии определения, получив сколько-нибудь широкое распространение, довольно быстро переходят в разряд интуитивно ясных, укорененных в «самой жизни». Причем не только для обывателей, для которых политическая форма — не объект рефлексии, а структурообразующий

⁵ См., напр. Филиппов 2008.

элемент бытия, но и для исследователей, пытающихся осмыслить общество, состоящее из обывателей.

Достаточно типичным (и на уровне быденного языка, и во многих научных работах) является отождествление политической формы с формой государства⁶. Понятно, что государством в этом случае называется любой вариант правления, любое организованное легитимное господство, вне зависимости от его специфики, атрибутов и источника легитимности. Такое употребление термина «государство», при том что оно нередко встречается и в специальных текстах (государства Древней Греции, государство древних славян и т.д.), влечет за собой существенные анахронизмы в трактовке соответствующих явлений. Так, скажем, отождествление с государством *Res publicum* или πόλις невольно оборачивается приписыванием этим формам черт, специфичных для государств эпохи модерна⁷.

⁷ Сумбатян 2001.

Нечто похожее происходит и при интерпретации современных политических форм стран, расположенных за пределами евроатлантического ареала⁸, где политическая форма государства модерна, собственно, и сложилась. Концепт «государство», выступая в современных языках в роли зонтичного понятия, начинает трактоваться как некая относительно гомогенная сущность, которая должна обладать сходным набором характеристик. И, казалось бы, основания для подобного взгляда есть. Именно в качестве «государств» данные политические образования входят в международные организации, союзы.

⁸ Пушкарев 2011.

Большая часть существующих сегодня политических образований обладает, хотя бы формально, необходимыми атрибутами государства, хуже или лучше укладывается в классификацию государств. Но имеется нюанс. Стремление рассматривать их только и исключительно как варианты государства во многих случаях приводит к вытеснению за пределы анализа — и видимости — черты, определяющие логику коллективного действия, да и просто политическую логику таких образований. Соответственно, эта политическая логика, как и логика коллективных действий, объявляется «неправильной». Анализ строится как поиск путей перехода к «правильной» логике и структуре. Однако подобный подход есть скорее отказ от анализа, нежели аналитический инструмент. Его использование не только не ведет к постижению специфики «неправильных» режимов (понятно, чего в них нет, представленное же остается в тумане), но и размывает, делает неопределенными сами устоявшиеся категории. Как следствие, анализ политической формы начинает подменяться анализом лиц, осуществляющих власть в данной политической форме (политика Путина, феномен Трампа и т.д.), превращая политическую науку в разновидность психоанализа.

⁹ См. Тилли 2010.

¹⁰ Каспэ 2007.

Вероятно, именно с этим и связана активизация в конце XX в. теоретических поисков, направленных на придание определенности термину «государство»⁹ и сопряженным с ним понятиям. В центре этих поисков находилась политическая форма Европы¹⁰ или, несколько шире, условного Запада. Но само обращение к описанию европейской

политической формы открывало возможность идентификации иных, «незападных» политических форм, которые оказались не государствами или не вполне государствами (не failed state, а просто чем-то другим).

Однако констатация того, что политическая форма может быть «другой», не избавляет от необходимости, не включаясь в полемику, обозначить ту трактовку этого концепта, из которой я исхожу в настоящей статье. Поскольку речь идет не об академически выверенном определении, а о моем собственном понимании, то и оттолкнусь я не от строго научного трактата, а от замечания Екатерины II, прозвучавшего в одном из ее писем к Вольтеру. Рассуждая о форме, способной обеспечить в ее владениях нетираническое правление, императрица Всероссийская, находившаяся в тот момент в Казани, писала: «Наконец-то я в Азии; я ужасно хотела видеть ее своими собственными глазами. В городе здесь население состоит из двадцати различных народностей, совсем не похожих друг на друга. А между тем необходимо шить такое платье, которое оказалось бы пригодно всем»¹¹.

¹¹ *Цит. по: Герасимов (ред.) 2017b: 101—102.*

Иными словами, политическая форма — это «платье, которое пригодно всем», позволяющее этим «всем» выступить в качестве элементов некоторого единства. Наряду с очевидным и тривиальным смыслом (форма — то, что оформляет), в приведенном высказывании есть и несколько менее очевидных, но более важных для нас посылов. Форма создается, i.e. у нее есть субъект. В письме Екатерины речь шла о ней самой и собранной ею Уложенной комиссии, но не составит труда привести и примеры иных субъектов — от Великого хана до Его Христианнейшего Величества и Генеральных штатов и т.д. Каждый из этих субъектов дает описание целого, в которое могли бы встроиться соответствующие элементы. Но это не единственная его функция, как и не единственная характеристика политической формы. Участие в целом предписывает элементам некие общие принципы действия (в рассматриваемом случае — это законы, инициированные Наказом императрицы). Данное рассуждение вполне согласуется с мыслями Святослава Каспэ о метафоре политической формы как описании, приписывании и предписывании определенных свойств социальной системе¹².

¹² *Каспэ 2012: 12.*

Субъектом, продуцирующим подобную метафору, выступает властный центр, персонифицированный в некоей личности или институте. При этом сам институт или личность являются институтом и личностью, а не властью. Под властью же я понимаю саму возможность конструировать форму, включая и ее инструментальное исполнение. Такая возможность (и право) предполагает специфический источник легитимности и особую позицию, отличную от позиции любого иного элемента общества. Сам источник легитимности носит, как мне видится, экзогенный¹³ характер, то есть располагается за пределами общества или, во всяком случае, за пределами его повседневности. Не составляет исключения и категория «народ» (как основа легитимации власти в государстве). Ведь народ, не сводимый ни к населению, ни даже к совокупности граждан, по отношению к каждому конкретному социальному агенту предстает

¹³ *Спасибо Каспэ за удачный термин.*

¹⁴ Гуссерль 2001: 189—190.

в качестве внешней, часто трансцендентной силы (по типу трансценденции в имманентном Эдмунда Гуссерля¹⁴). Важно, что этот источник легитимности (и смыслов) признается таковым всеми членами сообщества. Из него черпают правила ориентации в мире, принципы коммуникации со своими и чужими, способы действия и президент, и сантехник. Власть же представляет собой *единственного* посредника между экзогенным источником легитимности и обществом, располагаясь *на границе* между ними. Ее пограничность и позволяет ей продуцировать (транслировать) политические смыслы, тем самым политически оформляя общество.

¹⁵ Scott 1998.

Политическая форма, создаваемая государствами (или являющаяся государством), качественно отличается от тех, что порождают иные, альтернативные политические системы. И здесь мне кажется уместным использовать противопоставление всеобщего (бюрократического) знания и «метиса» (знания того, как «делаются дела»), введенное Джеймсом Скоттом¹⁵.

Государство как политическая форма предполагает не просто «платье», подходящее всем, но «платье», которое делает всех подходящими ему. То есть предполагает социальную трансформацию, в ходе которой различные реальности и различные анклавные преобразуются в гомогенное пространство (правовое, социальное и т.д.). Собственно, эта гомогенность и фиксируется понятием «нация». В варианте же Екатерины Великой речь идет о «платье» (политической форме), способном объять *разные* общности, не превращая социальное пространство в нечто однородное. Подобная *единая разнородность*, на мой взгляд, базируется на «согласии» лидеров (представителей) местного сообщества, которые, как и сам властный центр, пребывают в пограничном состоянии (пространстве власти-медиатора). Они одновременно находятся и в общем пространстве (в данном случае имперском), и в пространстве местного сообщества, включая его интересы в имперскую повестку дня и позволяя осмыслить местные правила в рамках общего.

Таким образом, политическая форма выступает способом не столько предписывания, сколько согласования местного и глобального (всеобщего, имперского). Здесь остается пространство для «метиса», местного, не универсального знания. Но если в классических империях местное согласуется только с всемирным, от самой сути вещей порядком, то в империях (и не империях) Нового времени ситуация иная. Безусловно лидирующей политической формой, оттесняющей на периферию «пороховые империи», становится государство. Здесь не просто складываются массовые армии (они были и в Османской империи, и в Речи Посполитой), но появляется возможность обеспечивать их людскими ресурсами, продовольствием, постоянно совершенствующимся оружием и т.д. Для приобщения к этой силе другим политическим формам приходится мимикрировать под государство, создавать конструкции, позволяющие, сохраняя свою внутреннюю самость, представляться государствами среди государств.

¹⁶ Бляхер 2014.

Мне уже приходилось писать о «двухслойных» политических режимах¹⁶, где внешний слой составляют формальные атрибуты государства, призванные обеспечивать взаимодействие с мировым хозяйством, а внутренний — социальные и политические структуры, имманентно присущие данному обществу. Однако сам факт «двухслойности» не отвечает на ряд принципиальных вопросов. Остается неясным, что скрывается за внешним (защитным) слоем, каково взаимодействие между ним и внутренними (имманентными) структурами. О внутреннем слое в этом случае часто приходится судить только по сбоям в работе слоя внешнего.

¹⁷ Бляхер
и Салимов 2008.

В ситуации, когда соединение этих слоев носит механический и очевидно функциональный характер, а сам внешний слой является явной имитацией¹⁷, ответить на эти вопросы несложно. Примером могут служить некоторые постколониальные «демократии» и «автократии» Африканского континента, где за привычными и понятными европейцам политическими формами скрывается сложнейший и хрупкий консенсус племен и племенных союзов. Но существуют и гораздо более сложные варианты «двухслойного» устройства, когда за столетия взаимодействия внутреннего и внешнего слоев они прорастают друг в друга и имитация становится частью «тела» данного общества.

К их числу относится политическая форма России, более четырех столетий формировавшаяся под сильнейшим влиянием Запада, воспринимая себя в качестве государства среди государств, но при этом сохраняющая в себе иные политические формы и, главное, расположенная в пространстве, препятствующем превращению себя в пространство государства.

¹⁸ Пивоваров
и Фурсов 2001.

Столетия тесного взаимодействия и язык описания, созданный для фиксации западных политических форм, оказались не в состоянии заслонить или вытеснить элементы российской политики, не укладывающиеся в стандартные модели. Эта мысль отчетливо звучит уже в концепции «русской власти» Юрия Пивоварова и Андрея Фурсова¹⁸. «Русская система» — это особый тип структурной организации власти, производящийся вне зависимости от внешних (случайных) условий на протяжении всей истории России.

В этой «системе», сложившейся в пространстве монгольской империи, источник легитимации носителя власти всегда пребывает за рамками социальной общности. В этой роли могут выступать монгольские боевые отряды, некая высшая сущность, объективные законы истории и т.д. Любое недовольство властью отсылает не к не власти, а к источнику легитимации (объективным законам истории, высшей сущности, боевым отрядам монголов), который находится вне сферы рациональной критики, да и критики вообще. Отсюда — дистанцированность власти, которая существует отдельно от общества. Власть не обсуждается, не избирается и т.д., но представляет собой неизменный элемент бытия, как восход солнца или смена времен года. Власть абсолютна. Она охватывает все политическое пространство, не допуская

существования чего-либо рядом с собой. За ее пределами возможен лишь безымянный морок.

Разделяя в целом эти идеи, я не могу не отметить определенную их односторонность. Они ориентированы на описание именно власти (точнее, носителей таковой), оставляя вне поля зрения тот коллектив, который находится *под* ней, делает ее возможной. Именно потому периоды между воспроизводством форм «русской власти» выпадают из рассмотрения, становятся пространством нереализовавшихся возможностей, а новации, возникающие при очередном воспроизводстве, просто ускользают от взгляда исследователя.

В настоящей статье я постараюсь динамизировать модель «русской власти» и «русской системы», включив в описание два новых элемента: население и ландшафт. Речь пойдет о специфике политических форм, возникающих на просторах Северной Евразии, охватывающей территорию от Амура и Тихого океана до Северной Двины. Основную часть этого пространства составляет степной пояс и лесостепь — родина гигантских империй.

Домохозяйство, власть и империя в Северной Евразии

¹⁹ Численность населения 2018.

²⁰ Шерстова 2004.

Одной из особенностей Северной Евразии было и отчасти остается сравнительно редкое население, рассредоточенное на громадной, практически бескрайней территории. До настоящего времени плотность населения здесь составляет менее двух человек на квадратный километр¹⁹. Показательно, что за столетия существования в рамках «европейской» империи население этой территории выросло меньше чем в два раза²⁰. Если в перенаселенных пространствах Средиземноморья, Индии, Китая и других исторических областей, чтобы обеспечить выживание коллектива, требовались сложные формы легитимного господства, порождавшие столь же сложные формы самоописания, идеологии и т.д., то в Северной Евразии домохозяйство, располагая почти неограниченным земельным ресурсом, оставалось относительно автономным и автаркичным. Семья или группа семей в обычных условиях просто не нуждались в каких-либо внешних по отношению к ним инструментах и формах макросоциальной организации. Не особенно нуждались они и в совершенствовании орудий землепользования. Скот в Великом степном поясе Северной Евразии и огромные урожаи на выжженных участках (в первые годы эксплуатации) в лесостепной зоне вполне обеспечивали домохозяйство даже при отсутствии сколько-нибудь сложных технических приспособлений. Об этом применительно к кочевым сообществам Северной Евразии писал Николай Крадин²¹.

²¹ Крадин 1992.

Собственно, в свое время подобный тип хозяйства существовал и в Европе. Но Европа, по словам Фернана Броделя, достаточно быстро «приручила своих кочевников»²². Сокращение числа свободных земель, допускаявших кочевническое хозяйство, рост народонаселения, толкавший к переходу от животноводства и подсечно-огневого земледелия к сложной сельскохозяйственной деятельности, связанной

²² Бродель 2006.

с ирригацией, привели к вытеснению кочевников в маргинальные зоны, превратив представителей этого некогда вполне самостоятельно-го слоя в бродяг и разбойников.

²³ *Не ощущается он и сегодня. Программа «Дальневосточный гектар» при всей ее демонстративности и неэффективности тому подтверждение.*

В Северной Евразии, особенно в зауральской ее части, недостатка земли не ощущалось²³. Для выпаса достаточно большого стада, его защиты и самозащиты коллектива требовалось совсем немного работников (семья, группа семей, в редких случаях группа общин). Наличие же стада решало проблему источника пищи и одежды, при этом оставляя свободное время для неутилитарных занятий (искусства, ремесла).

²⁴ *Сарапулов 2014.*

Подобная автаркия была свойственна не только скотоводам. Подсечно-огневое земледелие (в течение от одного до трех лет пашется один участок с предварительно выжженным лесом, затем выжигается другой²⁴), по сути, тоже предполагало кочевье. Ведь на первоначальный участок можно было вернуться только через 35—40 лет, когда восстановится лесной покров. Причем в первые годы урожайность участка была очень высокой, вполне обеспечивавшей пропитание большой семьи. И если в Европе такой тип землепользования исчез довольно быстро в связи с ростом населения и сокращением лесных массивов, то в Северной Евразии мы обнаруживаем его на протяжении большей части истории, вплоть до начала XX в.²⁵

²⁵ *Степынин 1976.*

Конечно, какое-то неравенство и какая-то организация, хотя бы для защиты ареала своего обитания (кочевья) от соседнего семейства или группы семейств, не говоря уже о многочисленных пришельцах, были необходимы. Полный эгалитаризм и здесь был не особенно реален. Но северо-евразийский вариант организационных (политических) форм качественно отличался от тех, что складывались на более плотно заселенных территориях. Наличие гигантских просторов делало неэффективным прямое насилие и практически исключало контроль над подданными. В случае усиления давления семья или община просто откочевывали на соседнюю либо чуть более удаленную территорию, бросая нажитое, ценность которого была пренебрежимо мала²⁶.

²⁶ *Wegerer and Staalduinen (eds.) 2012.*

Политическая форма в ее привычном виде не возникала здесь в силу не востребованности. Безусловно, номадов было можно уничтожить. Вероятно, приложив громадные усилия и задействовав колоссальные ресурсы, их можно было контролировать. Однако хозяйственный смысл и того и другого был весьма сомнителен, что никак не окупалось идеологическими соображениями — по причине отсутствия идеологии. Именно потому подобные действия были достаточно редкими и не особенно продолжительными²⁷. Более того, не было и особого смысла в совместной деятельности больших групп населения. Просто-ры кормили сами при минимальном усилии со стороны людей.

²⁷ *Крадин 1992.*

Организация возникала здесь для снижения угрозы хозяйственного кризиса и преодоления его последствий. Непростые климатические условия приводили к периодическим неурожаям у земледельцев и падежу скота у кочевников. До какого-то предела остроту этой проблемы сглаживало наличие устойчивой социальной сети (родственной

или соседской). Но и ее необходимо было поддерживать. Носители власти (волхвы, ханы и т.д.), обладавшие некоторым избытком скота и/или зерна, позволяли пережить это время, *раздавая* избыток роду, группе семей. Весьма показательны в этом плане обычаи саун и аманат-мал у кочевников, предполагающие передачу (на определенных условиях) богатым сородичем части скота бедному. В них, как правило, видели пример феодальной эксплуатации. Однако при невозможности контроля (кочевья оторваны друг от друга, иначе скот просто погибнет) такую передачу вполне можно трактовать в качестве своеобразного акта дарения (бенефиция), *порождающего* отношения власти. Точнее, отношения власти здесь выступают модусом иной, промежуточной категории — *уважения*²⁸. От уважения зависит доля человека (семьи, рода) в коллективном владении, его право распоряжаться общим имуществом, разрешать споры. Больше уважения — больше доля. Доля же создает возможность раздачи.

²⁸ Кордонский 2007.

Стоит отметить, что этот тип власти слабо вписывается в структуру понятия «политическая власть». Да и создаваемую им социальную форму (род, племя) трудно назвать вполне политической. Носитель власти здесь не оформляющий сообщество медиатор между ним и миром смыслов, а внутренняя (эндогенная) структура, принадлежащая самому сообществу. Более того, находящееся под такой властью сообщество нестабильно. Часть его (домохозяйство, группа домохозяйств, род, племя) может счесть более достойным уважения иного лидера. И механизмов удержания этой части просто нет.

Подобные раздачи, порождающие отношения власти, фиксируются и в западной (земледельческой) части Северной Евразии²⁹. Другими словами, в противовес привычной власти изъятия³⁰ (ограбления, дани, налога) в рассматриваемом регионе складывалась власть раздачи. Понятно, конечно, что речь шла о сородичах-номадах, а не о всеобщей любви к ближнему.

²⁹ Данилевский 1998.

³⁰ Олсон 2010.

Источники формирования ресурса, подлежащего раздаче, могли быть самыми разными — от добровольных «взносов» божеству или духам до добычи от набегов. Для нас в данном случае важно то, что властью обладал тот, кто мог раздать что-то полученное, как правило, не путем непосредственного изъятия. Нечто схожее можно усмотреть в организации криминальных сообществ с их «общаками» и властью держателей таковых. В этом плане даже в эпоху модерна житель территорий, входивших в подобные образования, был не налогоплательщиком, содержащим власть, а потенциальным получателем блага, сущностно принадлежащего власти.

Эксплуатация трудящихся масс (организация регулярного изъятия) в этой ситуации была или невозможна, или бессмысленна, поскольку приносила меньше, чем требовалось вложить для ее осуществления (издержки контроля). Свобода же выступала не искомым идеалом, но данностью. Во всяком случае, проблемой она не являлась и дискурс, аналогичный европейскому дискурсу свободы или дискурсу порядка

(оправдания несвободы) в Китае, не порождала. Источник свободы — бескрайние просторы Северной Евразии — был так близок и доступен, что для появления несвободы, сколько-нибудь сложной организации нужны были особые условия.

Эти *особые условия* и породили гигантские империи, включавшие в себя (захватывавшие) и оседлые цивилизации с высокой плотностью населения, развитой материальной культурой и многим другим. Даже если собственно захвата не происходило (как в случае с державой Хунну), зависимость оседлых цивилизаций от кочевников была несомненным фактом на протяжении столетий³¹. Казалось бы, такое положение дел противоречит отмеченной выше автаркичности домохозяйств и локальных общин в Северной Евразии, которые не нуждались во внешней силе. Что же заставляло их сливаться в орды и армии, совершать многолетние походы?

По остроумному замечанию Крадина, империи у кочевых сообществ региона возникали для *дистанционной эксплуатации* оседлых цивилизаций³². Такую дистанционную эксплуатацию оседлых цивилизаций (посредством дани, набегов, захвата, контроля над торговыми путями, торговли неким избыточным продуктом) мы видим не только в державе хуннских шаньюев или империи Чингисхана, но и в Древней Руси. Об этом писали и Пивоваров с Фурсовым, рассуждая о двоевластии в домонгольской Руси³³. Византия и путь «из варяг в греки» здесь выступали аналогами Китая и трансевразийских торговых путей, составивших ресурс власти кочевых империй.

Необходимость же наличия дистанционно эксплуатируемого оседлого сообщества (цивилизации) определялась климатическими сдвигами и/или повышением плотности населения, не позволявшими вести кочевое хозяйство. Исследователи давно обратили внимание на относительно синхронные взлеты и падения рождаемости в различных регионах Евразии³⁴. Если в каких-то случаях (скажем, в Европе XVI в.) это можно объяснить развитием медицины и гигиены или появлением свободных площадей после пандемии, то применительно к Индии и Китаю такие объяснения не работают. Бродель связывает данные процессы с колебаниями климата, влияние которых на человеческие сообщества, по его мнению, недооценено³⁵.

В условиях Великого степного пояса колебания климата могли вызвать или резкий скачок численности стад и урожая, или длительный недород и падеж скота. И в первом, и во втором случае возникал избыток населения, и ресурса носителя эндогенной власти (богатого сородича, хана, вождя) уже не хватало. Проблема вставала особенно остро, когда вслед за климатическим оптимумом, порождавшим изобилие и рост населения, следовало снижение температур, нехватка продуктов питания.

Такое положение дел и обусловило потребность в постоянных дополнительных ресурсах, источником которых могла стать соседняя оседлая цивилизация, служившая своего рода технологическим придатком и кормовой базой для кочевников Северной Евразии. Для организации

³¹ Бродель 2006.

³² Крадин и Скрынникова 2006.

³³ Пивоваров и Фурсов 2001.

³⁴ Wagemann 1952: 51—56.

³⁵ Бродель 2006: 327.

³⁶ Вернадский 1997:
126.

ее дистанционной эксплуатации и формируются империи как инструмент частью насильственного, частью добровольного обмена с ней. Так, в X—XI вв., весьма благоприятных в климатическом отношении, заметно выросла численность монгольских племен³⁶. Соответственно, последовавшее похолодание вынудило эти племена объединяться в крупные союзы (меркиты, кераиты, монголы и т.д.), способные осуществлять дистанционную эксплуатацию Китая, то есть с помощью набега или угрозы набега получать дополнительный ресурс. И если хозяйственный смысл эксплуатации сородичей в регионе отсутствовал, то хозяйственный смысл объединения (экономика набега) был вполне очевиден. Особенно в условиях демографического кризиса.

Стала складываться более сложная иерархия (багатуры, нойоны, ханы и т.д.), включавшая в себя систему господствующих и зависимых родов. Традиционное (нормальное) кочевое хозяйство отошло на второй план, вытесненное более прибыльной формой хозяйствования, связанной с эксплуатацией оседлой цивилизации. У носителя власти появился ресурс, позволявший организовать раздачу для гораздо более значительного коллектива и тем самым этот коллектив создававший. Но такой коллектив, хотя бы для осуществления солидарных действий, нуждался в смысловом основании для совместного бытия.

Как следствие, власть обретает новую особенность, уже не столько хозяйственную, сколько идеологическую, которая предопределяет ее существование и после того, как проблема, порожденная перепадами климата, оказывается решена. В отличие от раннего Рима или империи Ши Хуанди, ценность территории как таковой для кочевника была не слишком высока. Точнее, этот фактор не подлежал сакрализации. Сакральность обретали стихии, сам коллектив, даже скот, но не территория. Поэтому-то власть не перерастала в политическую. Не было медиации и концентрации политических (описывающих и предписывающих) смыслов. Поэтому отсутствовали и издержки выхода из сообщества. Ведь оно носило не ценностный, а функциональный характер. Значит, по отношению к нему не действовали понятия измены, предательства и т.д.

Поскольку имперское существование кочевников и по типу хозяйствования (экономика набега, экономика дани), и по социальным отношениям значительно отличалось от нормального бытия домохозяйства и общины, возникла потребность в его легитимации. Формой такой легитимации стала сакрализация самой империи, в пределе — власти и личности правителя. Общество (гораздо большее, чем община или группа общин) обрело трансценденцию (небесный порядок). Владыка же превратился в «небесного хана», «луной и солнцем рожденного шаньюя», медиатора между земным и небесным миром. При этом он оставался объектом наивысшего уважения, то есть исполнителем важнейшей хозяйственной функции применительно к огромному коллективу. Собственно, наличие уважения и давало ему право на медиацию с горным миром, артикуляцию смыслов.

Такая сакрализация, как и принципиально бóльшая выгода нового вида деятельности, повлекла за собой оборачивание смысла: наличие необходимого в кризисных условиях дополнительного продукта, для получения которого требуется власть, трансформировалось в онтологическую обязательность власти, для существования которой нужен поступающий извне ресурс. Власть становится священной, а сложившийся порядок — сверхценностью. Именно потому кочевые объединения Северной Евразии вполне уместно называть империями, то есть *политическими структурами*, порожденными «вселенским проектом», обладающим сакральным статусом³⁷.

³⁷ См. Каспэ 2007.

Это делало поиск новых оседлых цивилизаций («до последнего моря») и получение от них избыточного продукта предельно важной, сакральной задачей воспроизводства раздачи и в конечном итоге самой власти. Причем целью была именно дистанционная эксплуатация, а не захват. В случае дистанционной эксплуатации все издержки контроля ложились на власти оседлой цивилизации, а кочевым владыкам доставались лишь бонусы. При захвате же эти издержки была вынуждена брать на себя властная структура евразийской империи, постепенно увеличивая давление не только на местное население, но и на сородичей. В результате захватчики лишались силового ресурса, не утрачивая статуса захватчиков, чужаков, которых желательно изгнать.

Бродель называет такой тип существования паразитическим. В принципе основания для подобной трактовки есть. Но не следует забывать, что экономика набега была не единственной формой получения избыточного продукта. Не менее значимыми были торговля продуктом, в избытке имевшимся на месте, но крайне дорогим в оседлой цивилизации (хлеб в Причерноморье в эпоху скифов, скот в Восточной Азии во времена сяньби и т.д.), обеспечение безопасности караванной торговли и многое другое. Не случайно эпоха монгольских ханств была временем расцвета континентальной торговли. В известном смысле можно говорить о «дистанционном стационарном бандите» — но только по отношению к оседлому сообществу. По отношению к собственному социальному организму власть выступала источником благ (раздачи), а не насилия. Потому в данном случае разумнее вести речь не о паразитизме, но о симбиозе кочевой и оседлой политических форм. Будучи чуждыми для всех оседлых миров, кочевники связывали их между собой, выполняли функции поставщиков сырья и логистических предприятий.

Отвлекаясь от исторических коллизий, попробую перевести свои рассуждения на более общий уровень. Итак, имеется пространство, которого достаточно, чтобы прокормить населяющие его сообщества без создания крупных объединений и использования организованного насилия. Ввиду труднодоступности этого пространства (тайга, степь, горы) установление на нем монополии на легитимное насилие не приносит дивидендов, а издержки контроля превышают доходы от владения территорией. Властное лицо или структура здесь не столько

³⁸ Scott 1976.

организуют изъятие и производят порядок за счет монополии на насилие, сколько выступают институтом, осуществляющим раздачу благ в кризисной ситуации. Такая форма социального бытия вполне устойчива и может сохраняться довольно долго. Она не специфична исключительно для Северной Евразии. Собственно, о ней и идет речь в «Искусстве быть неподвластным» Скотта³⁸, где описывается положение дел в Зомии — огромной безгосударственной территории в Юго-Восточной Азии на стыке Китая, Индии, Бирмы, Непала и ряда других стран. Но, если в случае Зомии защитой выступают горы и джунгли, то в Северной Евразии эту функцию выполняет само пространство и остающаяся возможность «выхода» на новые территории.

Однако когда внешняя угроза, климатические катаклизмы или усиление демографического давления ставят данный тип существования под угрозу, ситуация меняется. Возникает политическая форма — общее «платье» для разных родов и племен. Поскольку ввиду редкости населения (избыточного только для ведения автаркичного кочевого хозяйства) и огромных издержек контроля получение ресурса изнутри общества оказывается невозможным, разрозненные группы объединяются для получения его извне. Источником благ, необходимых для поддержания жизни сообщества, становится оседлая цивилизация.

Способы получения таких благ могут быть самым разными. Это и экономика набега, и обслуживание (охрана) торговых путей, и торговля неким избыточным продуктом, и многое другое. Но ни один из них не требует установления всеобщего бюрократического порядка. Вполне достаточно локального насилия по сбору продукта, востребованного в оседлой цивилизации, организации армии и т.д. Соответственно, ресурс, приобретаемый в результате взаимодействия с оседлой цивилизацией, не является прибавочным продуктом, изъятим у населения. Он — плод деятельности носителя власти (ведь именно тот обеспечил его поступление), принадлежит ему и исключительно ему. Поскольку сакрален владелец (транслятор высших смыслов), сакральным оказывается и ресурс. Только он выступает «правильным» средством материального обеспечения. Остальные виды обеспечения предстают (или объявляются властью) нелегитимными (недостойными, дьявольскими, «теневыми» или коррупционными). Этот ресурс и подлежит раздаче, порождающей властные отношения с населением. Источник легитимности этой власти, как и распределяемый ресурс, находятся за пределами сообщества. Источник легитимности — в «небесном порядке», ресурс — в оседлой цивилизации.

Раздача осуществляется не сообразно экономической эффективности, а в соответствии со статусом (уважением), который теперь определяется местом во властной иерархии и значимостью для власти того или иного «служения». Впрочем, в круг получателей ресурса входит и население. И так как такое его обретение (добыча) в целом менее затратно, чем традиционное хозяйство малой группы, традиционные формы хозяйственной деятельности (кочевое скотоводство, промыслы) хотя и не

исчезают, но отступают в маргинальные зоны, становятся невидимыми. Они не порождают альтернативной организации, а существуют в порах и прорехах империи, стараясь дистанцироваться от нее. Наличие подобных «прорех» — тоже важный элемент создаваемой политической формы. Поскольку значительная часть населения включена в систему раздачи, «невидимки» получают искомый пространственный ресурс, позволяющий существовать в рамках малых групп или домохозяйств.

Но получение прибавочного продукта извне тоже сопряжено с издержками. Оседлое сообщество может просто исчезнуть либо, усилившись, сбросить чужаков и разрушить дистанционную эксплуатацию или, по крайней мере, резко повысить издержки таковой. Рост издержек ведет к уменьшению распределяемого ресурса. Часть бенефициариев раздачи выпадает из системы, что осознается ими как несправедливость. Возникает оппозиция. Власть перестает быть абсолютной и из экзогенного пространства попадает в зону доступа. При этом вследствие того, что власть позиционирует себя и воспринимается как целостность, спущенная в мир экзогенным источником легитимности, критика какой-то ее стороны оказывается невозможной. Она отторгается полностью вне зависимости от ее действий. Она плоха потому, что она власть.

В этой ситуации борьба носителя власти за увеличение объема распределяемого ресурса обостряется. Ведь это борьба за самосохранение. В ход идет все — и несистемное насилие, в том числе в отношении собственного населения (репрессии, набеги), и поиск новых объектов дистанционной эксплуатации, и попытки организовать изъятие по принципу оседлых цивилизаций, и сужение круга бенефициариев. Однако подобные действия не просто усиливают напряженность, но и влекут за собой дальнейшее сокращение ресурса, ибо затраты на них оказываются выше, чем получаемые в результате блага. В конечном итоге империя распадается или деградирует. На авансцену выходят малые социальные формы — впрочем, совсем не стремящиеся оставить свой след в истории.

В связи с тем, что в условиях империи обычно происходит рост населения (наличие распределяемого ресурса), распадается она на образования все же более крупные, чем традиционные доимперские группы, способные обеспечить и защитить себя. При появлении новой возможности для получения внешнего ресурса имперские формы восстанавливаются (хотя бы в виде шпенглеровской псевдоморфозы³⁹), особенно в случае частичного сохранения сакральной легитимности исчезнувшей империи. Подобного рода перипетии просматриваются и в эволюции политических форм Руси, России, СССР, РФ.

³⁹ Шпенглер 1993.

Русская власть: формирование и проблемы

О политической форме средневековой Руси написаны уже сотни текстов. Пожалуй, наиболее значимой для нас здесь является упоминавшаяся выше концепция «русской власти» («русской системы») Пивоварова и Фурсова. Согласно предлагаемой ими модели, в домонгольской

⁴⁰ Герасимов (ред.)
2017а.

Руси, несмотря на существование княжеской и даже великокняжеской власти, имело место двоевластие. В городской округе правил князь, чьим ресурсом был путь «из варяг в греки» и дистанционная эксплуатация Византии. Собственно, по мнению авторов коллективного труда об империях Северной Евразии⁴⁰, именно наличие этого пути и стало причиной политической консолидации обитавших вокруг северных озер (от Ильменя до Ладоги) племен во главе с россамы, постепенно распространившейся по верхней Волге и Днепру. Но при всей значимости этого ресурса, не менее важными для выживания племен, особенно заселявших территории, расположенные в отдалении от транзитного пространства, были подсечно-огневое земледелие и структурируемые им малые группы.

В общине правили волхвы, выполнявшие функции традиционных вождей автономных сообществ Северной Евразии. Даже самым успешным владыкам домонгольской Руси (от Святослава до Владимира Мономаха) не удалось переломить эту ситуацию. Ресурс, которым они обладали, был не столь значителен, чтобы подавить местную активность, сделать раздачу основной формой социальной, экономической и политической организации. Ресурса хватало на дружину и столицу, но не на империю.

В известном смысле здесь можно говорить даже не о двоевластии, а о двоимирии. Был мир городов (Гардарика), так или иначе связанных с обслуживанием важного транзитного маршрута и участвовавших в международной торговле (прежде всего работоторговле и торговле продуктами промыслов). Во главе этого мира, не слишком обширного, стоял князь (или князья). Параллельно ему существовал мир восточнославянских поселений, возглавляемый волхвами. Связь между этими мирами была довольно слабой уже просто по причине транспортных возможностей того времени и ограниченности инструментов насилия. А полюдьё (сбор дани) охватывало лишь немногочисленные села близ городов, так или иначе включенные в торговлю или обслуживание транзита. Отношения с остальной частью населения Руси строились по модели *уважения*, напоминая отношения между родами кочевников. Принципиально важно, что вне зависимости от типа хозяйственной деятельности (скотоводство, охота, земледелие, смешанное хозяйство) домохозяйства и небольшие общины в регионе, по существу, не особенно нуждались во власти, самостоятельно удовлетворяя свои потребности.

Именно приход монголов и дал русским князьям возможность преодолеть двоевластие. Монгольские боевые отряды стали тем избыточным *силовым* ресурсом, который позволил Ярославу Владимировичу и Александру Невскому обрести всю полноту власти. Конечно, русские князья, попавшие в вассальную зависимость («клятва в Сарае» в 1242 г.⁴¹), не получили дополнительного хозяйственного ресурса, хотя в силу особенностей положения Бату-хана в монгольской иерархии оказались в позиции скорее не подданных, а младших союзников. Недаром на курултае в Каракоруме Бату представлял князь Ярослав

⁴¹ Вернадский 1997.

(Юрий II). Но монгольское завоевание принесло им нечто не менее значимое — дополнительный силовой ресурс в лице монгольских боевых отрядов и постоянную внешнюю угрозу для сообщества. Наличие силового ресурса ограничивало возможность переселения, а значит, ведения традиционного (кочевого, подсечно-огневого) хозяйства. Наличие угрозы делало необходимой защиту, которую и обеспечивал князь. Заняв место посредника между монгольским и русским миром, князь утверждался внутри сообщества (Руси, одного из русских княжеств) в качестве абсолютного и самовластного владыки. Источник его легитимности располагался за пределами коллектива. Соответственно, в самом коллективе его власть являлась неоспоримой, безграничной. Торговые пути в Литву и Константинополь создавали ресурс, пусть и не очень значительный, позволявший существовать раздате (распространявшейся, по крайней мере, на тех, кто относился к числу «подданных», то есть находился «под данью»⁴²). Кроме того, на первых порах русские армии активно участвовали в монгольских походах, получая свою долю добычи.

⁴² Волков 2012.

Однако монгольская держава и ее преемница в регионе Золотая Орда оказались недолговечными союзниками и патронами. Безусловно, причин ослабления и распада Золотой Орды множество. Это и малочисленность самих монголов по сравнению с подвластным населением, и кровопролитные войны с ильханами за контроль над кавказскими землями, и многое другое. Вместе с тем, исходя из изложенного выше, можно предположить, что ключевую роль здесь сыграло то обстоятельство, что рядом с улусом Джучи не нашлось достаточно богатого оседлого сообщества, по отношению к которому можно было организовать не разовое изъятие, а постоянную дистанционную эксплуатацию.

Ресурсов Руси было просто слишком мало, чтобы поддерживать не только собственную власть, но и Орду. Не хватало ресурсов и в Мавераннахре, ядре бывшей державы Хорезм-шаха. Не случайно улус Джучи практически сразу раскололся на две части (Белая и Синяя орда), одна из которых сделала Мавераннахр своей базой. «Двоих» междуречье Сырдарьи и Амударьи выдержать не могло. Европа пребывала в параличе по причине обрушившейся на нее пандемии чумы. Черное море на время утратило статус «расчетного стола мировой торговли». В результате Орда начала распадаться на все более мелкие (пропорционально объему имевшегося поблизости ресурса) автономные единицы, с формальным признанием власти великого хана или без него.

Русь в этих условиях оказывалась в относительно привилегированном положении. Собственный ресурс и статус, соответствующий статусу младшего хана⁴³, позволял великим князьям чувствовать себя достаточно уверенно. Несмотря на все перипетии того периода, центр силы Золотой Орды постепенно смещался от Сарая к Москве. Конечно, семантика титула «царь» отсылает к римско-византийской традиции. Но не следует забывать, что царем на Руси именовали великого хана (злой хан Узбек и добрый царь Джанибек из летописей). Принятие

⁴³ Костомаров 1905.

этого титула великими князьями Московскими можно, таким образом, интерпретировать как претензию на верховную власть в Золотой Орде.

Но, обретая власть, выходящую далеко за пределы прежней Орды Залесской, владыки Московского царства столкнулись с той же проблемой, которая ранее подорвала власть великих ханов, — с острой потребностью в ресурсе, который можно было бы распределять. От Бухары и Хорезма Московское царство отделяла Великая степь. Поволжские и Сибирское ханства, Тюменский юрт были отнюдь не оседлыми цивилизациями, способными стать поставщиками искомого ресурса. Традиционная зона кормления русских князей — юг — все больше превращалась в арену битв, а не источник благ. Попытка организовать эксплуатацию собственного населения терпела неудачу. Во-первых, население это было довольно редким и рассеянным, что затрудняло как контроль, так и «правильную» организацию изъятий. Во-вторых, «воля» начиналась сразу за околицей и тянулась до Уральского пояса и далее.

Для обретения ресурса и восстановления раздачи требовалась соседняя оседлая цивилизация. И поскольку в сложившихся условиях эту роль могла взять на себя лишь Европа, которая в тот период постепенно оправлялась от ран страшной пандемии и на волне инфляции и притока американского серебра вступала в эпоху процветания⁴⁴, Московское царство стало разворачиваться на запад. Только так власть могла обеспечить свое сохранение. Ведь, не располагая пригодным для раздачи ресурсом, она лишалась уважения, а значит, и возможности быть властью. Судьба Московского царства в этом случае мало чем отличалась бы от судьбы всех прочих наследников империи Чингисхана, не имевших рядом торговых путей или оседлой цивилизации. Царство неизбежно распалось бы на локальные общины, вполне благополучно существующие на просторах Северной Евразии, не нуждаясь в чем-либо внешнем, в том числе во власти.

Показательно, что во все времена, вплоть до самого последнего, с сокращением распределяемого ресурса начинался распад политического целого на относительно автономные и не особенно большие хозяйственные системы, оставлявший центральной власти только военную и отчасти легитимирующую функцию. При отсутствии же внятных военных угроз власть, если она не раздавала, оказывалась и вовсе излишней. Важно понять, что речь идет не о некоем исходном паразитизме жителей Северной Евразии, а о функции власти. Носитель власти, который не раздает и не защищает, здесь просто не нужен. Он утрачивает уважение. Насильственное же навязывание силовых услуг натывает на огромные издержки контроля, обусловленные *ландшафтом*.

Не меньшей проблемой для царей (великих князей) Московских была легитимация собственной власти. Ведь с исчезновением монгольских отрядов отпадала и потребность в сакральном посреднике. В этот момент и возникает концепция «Москва — третий Рим», заложившая основу идеологии власти на столетия вперед. Стоит отметить, что обретение самости и отдельности для сообществ региона часто было связано

⁴⁴ Бродель 2002.

с появлением новой веры или новой религиозной доктрины. Хазары, дистанцируясь от арабов, принимают иудаизм. Булгары, дабы отделить себя от каганата, переходят в ислам. Русь, стремясь превратиться из союза племен вдоль торгового тракта в целостное политическое образование, становится православной. Московское царство, преобразуясь из части Золотой Орды в нечто особое, тоже создает новую религиозную доктрину.

⁴⁵ *Цымбурский*
2007.

С рассматриваемой здесь точки зрения, пожалуй, наиболее интересна трактовка этой концепции Вадимом Цымбурским⁴⁵. Согласно ей, Россия — остров, оставшийся после Страшного суда, спасшаяся часть исчезнувшего мира. Соответственно, все, что окружает остров Россию, есть не более чем видимость, морок, единственная цель которого — соблазнить и лишить Спасения тех, кто находится в подлинном мире. Власть же царя обеспечивает посредничество между миром земным и миром Небесным⁴⁶, позволяя жителям острова России не только спастись от морока, но и спасти обитателей морока за счет расширения острова. Тем самым возникает не просто легитимность, но легитимность, источник которой максимально дистанцирован от сообщества (трансценденция). Это вновь делает власть правителя абсолютной. Однако проблема распределяемого ресурса, которого катастрофически не хватает, остается нерешенной. Попытки организовать изъятие прибавочного продукта по европейскому образцу наталкиваются на два мощных ограничителя.

⁴⁶ *Успенский* 1998.

Во-первых, это довольно скромное количество самого «прибавочного продукта» у населения. Его вполне достаточно для прокорма семьи, но лишнего, того, что можно изъять, не обрекая работника на гибель, совсем немного. Немного и населения, рассеянного по огромной территории. Его больше, чем в домонгольский период, однако территорий, где можно организовать «правильную» эксплуатацию, очень мало. Во-вторых, в ответ на изъятия начинается движение «встречь солнцу». Массы крестьян и казаков, бегущих от закрепощения, устремляются в Поволжье, а позже на Урал, Русский север и в Западную Сибирь. Власть спасает наличие в относительной близости оседлой цивилизации, связи с которой уже сложились, — Европы.

Формой дистанционной эксплуатации здесь был отнюдь не набег, хотя эпизодически совершались и набеги. Но в целом преобладающим военным ресурсом Московское царство не обладало. Поэтому дистанционная эксплуатация осуществлялась главным образом через торговлю. Причем торговля эта обладала выраженной спецификой, отличавшей ее от принятых в Европе типов обмена. В торговле задействовался избыточный ресурс, получаемый в виде дани (ясака) от общин, находившихся за пределами сообщества и, по сути, за пределами страны. Показательно, что, решив познакомиться с азиатской частью своих владений, Екатерина II отправилась в Казань. Да и в романах Сергея Аксакова Заволжье представлялось крайней точкой обжитой земли. Дальше начиналось инобытие. То есть пришедший из Сибири продукт воспринимался как поступивший извне, даровой.

⁴⁷ Костомаров
1905.

Наличие редкого в Европе, но легкодоступного в России ресурса (мехов и «рыбьего зуба», а также пеньки, льна и т.д.) позволяло организовать международную торговлю⁴⁷, чья эффективность и доходность существенно превышали эффективность и доходность хозяйства общинников. Главная же ценность международной торговли заключалась в том, что большая часть ее плодов являлась несомненной собственностью власти или ее агентов, а значит, могла ими (и только ими) распределяться. Соответственно, появилась возможность подавить автономное домохозяйство, перевести население в режим раздачи.

Восстановление внешнего ресурса и завершило оформление «русской системы» с дистанцированной и абсолютной властью, транслирующей смыслы из запределья, организующей раздачу. Понятно, что речь не шла о механическом воспроизводстве политической формы. Экзогенная легитимность (от монгольского хана) уступила место трансцендентной (от Бога). Силовой ресурс сменился экономическим (торговым). Но сохранились распределение в зависимости от уважения (ранга в иерархии), дистанцированность и целостность власти, крайне высокие издержки прямой эксплуатации, детерминирующие несиловые, договорные виды подчинения (сословное представительство), и вознесенная над всем и всеми фигура царя — единственного подлинного медиатора между дольным и горним мирами. Эта новая политическая форма и стала «платьем», способным объединить разные части евразийской империи, не пытаясь сделать их одинаковыми.

⁴⁸ Кордонский 2007.

Список товаров расширялся и видоизменялся. К нему добавились (после заключения Нерчинского договора) китайские товары, несколько позже — серебро и золото. Но суть в том, что товарами они становились, только покинув пространство России. Внутри страны их востребованность была не особенно велика. Да и поступали они не на рынок, а в казну. Вот в Европе они выступали товаром, обретали цену, возвращаясь в виде распределяемого ресурса⁴⁸, оружия, металлов, технических изделий и т.д.

Однако в этом благодатном превращении продукта в товар, а товара в ресурс крылось острое противоречие. Смыслом существования «русской власти», как отмечал Цымбурский, было ограждение спасшегося острова России от окружавшего его морока, противостояние мороку. Но для противостояния требовался дополнительный ресурс, извлечь который можно было только из морока. Необходимость разрешения этого противоречия привела к формированию «защитного слоя», в котором продукты преобразовывались в товары, а те, в свою очередь, — в распределяемый ресурс. Этим слоем стала бюрократия, возникшая еще при последних Рюриковичах и стремительно европеизировавшаяся при Романовых, — от посольских чиновников до «государевых гостей» и «коммерции советников». Она и выступила инструментом дистанционной эксплуатации Европы.

⁴⁹ Преображенский,
Морозова и Демидова 2011.

В эпоху петровских преобразований (продолжившихся и после смерти Петра I⁴⁹) актуализировалась важнейшая ее черта — карнавальность.

Бюрократический мир был одновременно и реальным, и перевернутым, неподлинным, миром особых, ненастоящих костюмов, норм поведения, речевых оборотов, стиля жизни. Вместе с тем, поскольку его образование было инициировано властью, он обладал сакральной санкцией, ибо сама власть была сакральной. Наличие такого «защитного слоя» породило уникальную ситуацию, когда Россия, фактически являвшаяся империей (вселенским проектом), «маскировалась» под государство среди государств, позиционируя себя в качестве одного. Это и создавало пространство для торговли с Западом, то есть, по сути, для перекачки продуктов промыслов из России в Европу и транзита необходимых ресурсов из европейского хозяйства в Россию. Постепенно из западного форпоста Азии Россия превратилась в периферию Европы, стремившуюся переделать себя на европейский манер. Не только армия и чиновничество, предназначенное для взаимодействия с Европой, но и внутреннее управление стало строиться по европейской матрице.

⁵⁰ Водарский 1977.

Тем более что с середины XVII по середину XVIII в. число жителей европейской части страны (до Волги) удвоилось⁵⁰. Повышение плотности населения, улучшение транспортной сети и рост бюрократии открыли возможность для перехода к эксплуатации собственных подданных. Потребность Европы в зерне делала таковую целесообразной. Бегство же в Сибирь хотя и продолжалось, но перестало быть массовым. Причина заключалась отнюдь не в плотной заселенности этих территорий, а в том, что у этой по-прежнему довольно редко заселенной земли уже был хозяин, с которым нужно было договариваться. Определенное значение имело и то обстоятельство, что само крепостничество часто воспроизводило традиционные для Северной Евразии формы: помещик выполнял функции вождя, «кормящего» своих «сородичей» в трудные времена. Показательно, что, судя по тем же романам Аксакова или более поздним рассказам Глеба Успенского, попытки организовать в поместье «цивилизованное» товарное производство порождали недовольство и даже волнения. Таким образом, у бюрократии в России оказывалось две разные функции. Помимо защитной (описанной выше), у нее появилась и управленческая функция, осуществлявшаяся там, где плотность населения и средства коммуникации создавали для этого условия.

⁵¹ Бродель 2006: 416.

Уровень контроля варьировал, а его издержки оставались очень высокими — ведь, занимая в четыре раза большую территорию, чем Франция, европейская часть России вдвое уступала ей по численности населения⁵¹. Да и распределено это население было крайне неравномерно. Слабозаселенный север и горный юг России контролировались существенно слабее. Достаточно было сколько-нибудь значимого потрясения (изменения конъюнктуры, войны, народных возмущений), чтобы эксплуатация там становилась невыгодной. Однако уже к XVIII столетию можно говорить о двух Россиях: европейской России крупных городов, управляемой бюрократией, и евразийской империи, где «управление» носило характер межличностного договора, а власть основывалась на уважении и раздаче. Объединяющим их началом

выступала фигура медиатора-монарха (императора, царя), который теперь посредничал не только между дольным и горным мирами, но и между разными Россиями. Его наличие позволяло каждой из них считать себя единственной, а в другой видеть не более чем девиацию.

Важно и то, что бюрократия, возникнув как «защитный слой» для взаимодействия с Западом, постепенно прорастала вглубь социальной ткани. Инструмент взаимодействия с Западом обретал собственное самосознание. Некоторые его элементы начали осознавать себя европейцами, стремясь организовать «правильный» контроль над населением, цивилизовать Россию (что неизбежно вело к росту издержек). Но цивилизовать не получалось. «Европейская» бюрократия составляла лишь привилегированную, столичную часть империи. Пространство же Северной Евразии достаточно жестко противостояло попыткам контроля.

Европейская Россия, существовавшая в столицах и крупных городах, охватывала не только и не столько чиновников, хотя многие из них принадлежали именно к ней. Это была Россия богатых и потому в известной степени самостоятельных землевладельцев, экспортировавших хлеб и пеньку в Европу, первых российских заводчиков, относительно независимых от казны, литераторов, ученых, врачей, юристов и т.д. Словом, всех тех, кто жил (или считал, что живет) собственными силами. Они тоже некогда возникли и выросли в «защитном слое». Эти социальные формы и профессиональные статусы в свое время были заимствованы в качестве необходимых элементов карнавала (наподобие того, как российские предприниматели 1990-х годов перенимали фирменный стиль и прочие внешние атрибуты преуспевающих западных компаний). Но уже к середине XIX столетия (и даже раньше — вспомним «русского европейца» в описании Николая Карамзина) эти карнавальные маски обрели самостоятельное бытие. Они обличали не вполне европейскую жизнь России, требовали экономических и политических свобод, конституции и т.д. Это — государство Россия. Из имитации оно превратилось во вполне реальную составляющую социальной структуры крупных городов и их «хоры».

Параллельно ему продолжала существовать евразийская империя Россия, в основе которой лежала сакральная власть и система статусов, связанных с властью, правом на кормление и раздачу⁵². Источником раздачи выступал ресурс, поступающий из Европы в обмен на продукты промыслов. В этой России жили чиновники провинциальных городов, губернских администраций, мелкие чиновники столиц. Именно они реализовывали, регулировали и контролировали раздачу в соответствии со статусом. Они создавали формы, нацеленные на взаимодействие с Европой. Но далеко не только они были агентами империи. Безусловно, к ним принадлежали военные, чьи подразделения строились по образу и подобию европейских армий, а восходящая мобильность определялась ростом чинов, близостью к власти. В то же пространство входили промышленники, жившие за счет госзаказов,

⁵² Бессонова 2006: 18–23.

торговые корпорации, ориентированные на внешние рынки, работники государственных промыслов (заводов, фабрик, лесопилок, приисков и т.д.).

Соперничество этих двух России и задавало динамику интеллектуальной жизни, да и видимых политических действий со времен полемики Ивана IV с Андреем Курбским. При этом наличие и известное интеллектуальное господство европейской России («защитного слоя», имитационных сфер жизни) постепенно разъедали тело евразийской империи, десакрализовывали власть. Но проблема в том, что европейская Россия тоже, хотя и не всегда явно, была частью раздачи. Попытки организации хозяйства по европейским (западным) лекалам наталкивались на третью Россию.

Это Россия отходников и мелких хозяев, домохозяйств Восточной Сибири и Приамурья, охотников, скотоводов, землепашцев и лесорубов окраин империи. В крестьянской стране эта незримая масса была чрезвычайно велика, составляя ту самую «темную материю» социальной ткани России, ее «почву». Эта Россия нуждалась только в одном — невидимости для всего, находящегося вне ее. Наиболее весомой она была на окраинах⁵³, но присутствовала везде, принимая различные формы. Наличие третьей России на огромных и не вполне освоенных просторах приводило к массовому оппортунизму населения («оружие слабых») в отношении всех «цивилизаторских» усилий власти и фактическому отсутствию контроля на большей части территории страны. Ведь для третьей России внешний контроль, связанный с ростом налогообложения, нарушением важнейших социальных связей и т.д., представлял смертельную угрозу. Соответственно, то, что позже назовут коррупцией (возможность избежать контроля посредством подкупа или встречной услуги), оказывалось гораздо меньшим злом, нежели «цивилизованная бюрократия».

Эти три разные страны, волею судеб оказавшиеся в одном политическом теле, образовывали конструкцию, которая могла успешно существовать до тех пор, пока в политической форме оставалось «пустое пространство» между ними, позволявшее им сохранять относительную автономию друг от друга. Евразийская Россия (империя) организовывала добычу продукта, востребованного в мороке (оседлой цивилизации), регулировала и осуществляла раздачу, исходя из принципа уважения. Европейская Россия («защитный слой») давала империи возможность мимикрировать под государство среди государств, превращать продукт в товар и возвращать его в страну в качестве распределяемого ресурса, заимствовать и внедрять технологии, управлять там, где имелась достаточно высокая плотность населения и коммуникаций. Россия домохозяйств позволяла выживать массам населения, непосредственно не включенным в раздачу. Но самовосприятие государства, осознававшего себя «главным европейцем» в стране, вело к усилению бюрократического контроля и сокращению «серых зон», в которых могли сосуществовать государство, империя и домохозяйство.

⁵³ Бляхер 2017.

⁵⁴ Шигалин 1956.

Качественно разные социальные образования с качественно отличной властной организацией вступали в прямой конфликт. Потрясения Первой мировой войны повлекли за собой резкий рост влияния империи и имперской бюрократии. Армия и мобилизация вышли на первый план. Государственные (военные) заказы превратились в наиболее прибыльную сферу хозяйствования⁵⁴. Для «невидимой» России это обернулось беспрецедентным усилением давления на нее. Равновесие оказалось нарушено, и «невидимая», но самая массовая часть страны восстала. Выходцы из европейской России это восстание возглавили. В кровавой бане гражданской войны возникла новая политическая форма, вновь воспроизведшая значимые характеристики «русской системы».

В промежутке между гибелью прежнего варианта «русской системы» и возникновением нового на поверхность всплыла третья Россия в форме самоорганизующихся общин с отрядами самообороны, атаманщины и т.д. Однако принципиальная локальность и немота ее элементов не оставляли ей шансов на успех. Победу одержала самая «говорящая» и экзогенная по источнику легитимации власть — власть Советов.

⁵⁵ Леденева 1997.

Советская власть представляла собой форму реализации концепции мирового порядка («царство свободы»). Источником ее легитимности были «объективные законы истории», не менее внешние по отношению к данной социальной общности, чем монгольские боевые отряды или идея религиозного спасения. После Генуэзской конференции возродилась и дистанционная эксплуатация «технологического придатка». Появился ресурс, имманентно принадлежавший власти, который позволял восстановить экономику раздачи и статуса, подавить или вытеснить в маргинальные зоны иные формы социальной и хозяйственной активности. Несмотря на всю жесткость советской власти с ее коллективизацией, массовым террором и т.д., достаточно быстро оформилось «теневое пространство» (частники, единоличники, шабашники, кооператоры и просто «невидимки»). А с блатом не мог совладать никакой Совнарком⁵⁵. Тем самым в новых условиях и на новых основаниях пространство воспроизвело адекватные ему формы политической организации.

⁵⁶ Юрчак 2014.

Гибельным для этой политической формы стало не столько прямое насилие, оставлявшее, тем не менее, место для «тени», сколько попытки распространить контроль на все социальное тело, повлекшие за собой многократное увеличение издержек контроля. Даже в XX в. пространство Северной Евразии оказалось сильнее государства. Эти попытки, начавшиеся в послевоенный период и продолжавшиеся до момента крушения советского проекта, обернулись размыванием самих принципов раздачи⁵⁶, а с ними и советской идеологии. Конечно, как у любого грандиозного политического процесса, у распада СССР было множество причин. Сводить их только к росту издержек контроля и размыванию идеологии было бы недопустимо жесткой редукцией. Но именно они наиболее значимы для нашего нарратива.

Комфортное социальное бытие позднесоветского периода, когда вместе с раздачей постепенно восстанавливались иные формы

социальной и хозяйственной жизни, включая эмансипированное от государства и автономное существование домохозяйств, закончилось. Распад СССР не ликвидировал раздачу. Она сохранилась в виде «советского трофея». Но само пространство раздачи стало стремительно сужаться, выбрасывая на обочину все новые группы бывших бенефициариев (военных, рабочих ВПК, ученых, преподавателей вузов и т.д.). «Большая раздача», идущая из имперского центра, распалась на множество малых. Параллельно возникли социально-экономические «карманы», куда «лишнее население» могло переместиться: предпринимательство, промыслы, политическое обслуживание. В зависимости от того, что именно раздавалось (местные компоненты «советского трофея», возможность приграничной торговли или взимания дани на том или ином участке, доступ к наиболее выгодному «карману»), а также от условий раздачи и состава раздающих формировались разные региональные политические режимы⁵⁷.

⁵⁷ Bliakher 2013.

Стоит отметить, что в 90-е годы XX в., как и во множестве кризисных ситуаций прошлого, ущерб понесла именно империя и группы, непосредственно на нее завязанные. Точнее, ущерб остальных групп (который, несомненно, был) относительно быстро компенсировали виды деятельности, появление которых стало возможным благодаря сокращению, а где-то и исчезновению контроля. Место всеобщего бюрократического контроля заняла раздача специфических услуг — силовых. Исходя из того, кто именно и какому коллективу оказывал эти услуги, выступал основным «силовым оператором»⁵⁸, можно выделить три периода развития постсоветской политической формы.

⁵⁸ Бляхер 2017.

Первый период (конец 1980-х — середина 1990-х годов) связан с распадом советской системы раздачи, радикальным ослаблением контроля и регулирования, активизацией и легитимацией советских промыслов («теневой экономики») и появлением промыслов постсоветских («челночное» движение, обналичивание денежных средств, передел «советского трофея» и т.д.). Разумеется, об отгонном скотоводстве и подсечно-огневом земледелии речь не шла. В принципе каждый следующий распад или деградация империи актуализировали новые практики, создавали новые социальные формы. Общими здесь были локальность таких практик и форм, отсутствие четкой иерархии, установка на самодостаточность. Локальность хозяйствующих субъектов (домохозяйств, соседского и дружеского круга) порождала потребность в столь же локальных силовых операторах. Эту роль взяли на себя «криминальные крыши», неформальный характер которых делал их в тот период наиболее организованными силовыми формированиями, не связанными с гнущим порядком.

Второй период (середина 1990-х — начало «нулевых» годов) знаменовался становлением региональных хозяйственных систем, вполне эффективных и самодостаточных. Локальность «криминальных крыш» из преимущества стала недостатком, препятствовавшим сколько-нибудь стабильному обслуживанию удаленных транзакций. Поэзия

«воровского мира» так и не смогла компенсировать принципиальное отсутствие идеологии и легитимности. На смену «ворам» пришли «региональные бароны» — губернаторы. Укорененность в местной элите, наличие реликтового силового ресурса советских времен, легальность и легитимность позволили этим «силовым операторам» вытеснить своих предшественников. Их деятельность охватывала уже вполне жизнеспособные социально-хозяйственные системы и отчасти воскрешала раздачу в отношении населения («лужковские» выплаты и льготы в столице и их аналоги в других регионах). Локальные образования и локальные промыслы вновь начали отесняться на периферию общественной жизни. Но парадоксальным образом образование устойчивых «губернаторских экономик» возродило потребность в федеральном центре. Именно федеральный центр обеспечивал внешнюю легитимацию губернаторской власти, был пространством переговоров и договоренностей между губернаторами, осуществлял силовое обслуживание всероссийских транзакций и реликтов советской экономики (общероссийских холдингов и естественных монополий).

Складывалась вполне устойчивая система, единственным, но серьезным недостатком которой была ее двойственность. После распада советской идеологии, основанной на «объективных законах истории», роль экзогенного пространства, делегирующего власть самому федеральному центру, перешла к сообществу «цивилизованных стран». В наших терминах евразийская империя легитимировалась «оседлой цивилизацией». Но поскольку «цивилизованный мир» был для России не данностью, а идеалом (что отражало понятие «транзит»), ему можно было пока не соответствовать. Параллельно с «правильными законами» и «демократическими институтами», которые тоже были не институтами, а законами, существовала настоящая неформальная жизнь с ее экономикой и политикой. Хозяйственный взлет России после кризиса 1998 г. стал высшей точкой развития региональных экономик.

Система рухнула в момент, когда закон из политической фикции превратился в реальный силовой инструмент. Если экономический подъем конца 1990-х годов был временем расцвета России «региональных баронов», то взлет цен на энергоносители оказался ее закатом. У федерального центра появился ресурс, многократно превосходивший все то, что могли дать региональные экономики, и при этом получаемый не в пример легче. Этот ресурс и позволил федеральной власти повести наступление на региональные системы и весь мир «лихих девяностых». Инструментом политического давления выступил закон, ранее игравший роль не столько реального регулятора, сколько «высшей планки риска»⁵⁹. Началась эпоха «вертикали власти», а вместе с ней и *третий период развития постсоветской политической формы*. Стоит отметить, что, в отличие от прежних времен, Россия мегаполисов и крупных городов охватывает сегодня значительную часть населения страны. В ней проживают и наиболее пострадавшие в 1990-е годы социальные группы. Они и составили

⁵⁹ Панеях 2001.

фундамент федеральной власти на этапе формирования «вертикали», поставив знак равенства между политической формой Европы и возможностью потреблять как в Европе.

Впрочем, достаточно долго ее становление не воспринималось населением (во всяком случае, большей его частью) как качественно новый этап. Ведь «вертикаль» взяла на вооружение задачу, существовавшую в период господства «региональных баронов», заметно расширив круг ее бенефициариев. Постепенность наступления законов на реальность позволяла предпринимателям вырабатывать механизмы, ограждавшие их от избыточных рисков. Да и само государство представляло чрезвычайно удобным и выгодным партнером, превращавшим предпринимателей, инвестировавших в региональную власть, в участников задачи. Не покушалось оно и на место, занятое локальными хозяйственными системами — от «забытых» городов и поселков до «гаражной экономики»⁶⁰. Собственно, это и обозначалось термином «путинский консенсус». Здесь, как и во времена Российской империи, достаточно явно выделялись разные России — европейская, евразийская (имперская) и «невидимая», — благополучно сосуществовавшие в одном пространстве⁶¹.

⁶⁰ Селеев и Павлов 2016.

⁶¹ Зубаревич 2010.

Но запущенный в первой половине «нулевых» годов процесс продолжался. Постепенно все, кроме задачи, оказалось вытеснено на периферию общественной жизни. Однако до тех пор, пока задача компенсировала отсутствие пространства для маневра, а прорехи в государственной ткани давали возможность выживать «невидимкам», консенсус сохранялся. Эпизодическое насилие со стороны государства вроде «дела ЮКОСа» не нарушало благостности общей картины. Нарушение ее связано с ростом издержек при превращении продукта в ресурс после кризиса 2008 г., а также с тем, что власть (федеральный центр) продолжала ощущать себя «главным европейцем» и действовать соответствующим образом, причем не только в столицах и мегаполисах. Попытка распространить закон на пространство Северной Евразии повлекла за собой стремительный рост числа контролеров и издержек контроля. Увеличение внешних издержек и издержек контроля обернулось существенным сокращением как распределяемого ресурса, так и числа бенефициариев и объема благодеяний. В условиях краха постсоветской легитимности «от цивилизованных стран» последнее было воспринято как нарушение справедливости. Отсюда — развернувшаяся «борьба с коррупцией» и феномен Алексея Навального.

Весь последующий (четвертый? переходный?) период идет яростная погоня власти за ускользающим ресурсом — от внешнеполитических усилий, призванных увеличить поступающий ресурс, до попыток организовать изъятие у населения. На фоне стагнации, а то и падения доходов такие попытки вызывают все более явное раздражение. Сокращение задачи динамизирует все социальные группы, включая и те, которые прежде ориентировались на автаркию, но утратили эту возможность по причине нарастающей жесткости контролирующих структур

и умножения числа самих этих структур. С этим, в частности, и связано протестное голосование образца 2018 г. в ряде российских регионов, в том числе дальневосточных, где протестные настроения усиливаются тем, что официально Дальний Восток остается чуть ли не основным ресурсополучателем в стране.

Невозможность увеличить приток ресурса с Запада стимулирует желание развернуться на Восток, к другой оседлой цивилизации — Китаю. Показательно, что сама идея поворота на Восток возникает в 2008 г., вместе с сокращением поступлений с Запада. Но многолетняя ориентация на Европу как на главный объект дистанционной эксплуатации породила сильнейшие социальные фобии в отношении Азии. Это едва ли не главное препятствие для поворота, несмотря на все усилия властей предрежащих.

Серьезной проблемой является и то, что, отбросив легитимность от «цивилизованных стран», власть так и не сумела сконструировать из реликтов прошлого новую экзогенность, по отношению к которой она могла бы выступить медиатором. В известном смысле легитимность власти сегодня повисает в пустоте. Собственно, о таком «безлегитимном» существовании как о новой форме «русской власти» пишет Глеб Павловский в «Системе РФ»⁶².

⁶² Павловский
2015.

Удастся ли власти в России найти пути восстановления раздачи и обретения трансцендентного источника легитимности или государство, империя и самоорганизующиеся домохозяйства, уже прорывающиеся на поверхность по мере расшатывания «вертикали», породят какую-то новую комбинацию, покажет самое ближайшее будущее.

Библиография

- Аристотель. (1937) *Афинская полиция: Государственное устройство афинян*. М., Л.: Государственное социально-экономическое изд-во.
- Бессонова О.Э. (2006) *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации*. М.: РОССПЭН.
- Бляхер Л.Е. (2014) *Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток*. М.: Европа.
- Бляхер Л.Е. (2017) *Стратегии выживания в условиях кризиса: О дальневосточных предпринимателях и не только*. М.: Страна ОЗ.
- Бляхер Л.Е. и Ф.Н.Салимов. (2008) «Республика Таджикистан — проблемный узел Центральной Азии» // *Полития*, № 2: 6—17. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Blyaher_Salimov-2008-2.pdf (проверено 8.01.2019).
- Бродель Ф. (2002) *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды*. М.: Языки славянской культуры.
- Бродель Ф. (2006) *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное*. М.: Весь мир.
- Вернадский Г.В. (1997) *Монголы и Русь*. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ.

Водарский Я.Е. (1977) *Население России в конце XVII — начале XVIII века*. М.: Наука. URL: http://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka (проверено 8.01.2019).

Волков В.В. (2012) *Силовое предпринимательство, XXI век: Экономико-социологический анализ*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Герасимов И., ред. (2017а) *Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 1: Конкурирующие проекты самоорганизации, VII—XVII вв.* Казань: Ab Imperio.

Герасимов И., ред. (2017б) *Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII—XX вв.* Казань: Ab Imperio.

Гуссерль Э. (2001) *Картезианские размышления*. СПб.: Наука.

Данилевский И.Н. (1998) *Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.): Курс лекций*. М.: Аспект-Пресс.

Зубаревич Н.В. (2010) *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация*. М.: Независимый институт социальной политики. URL: http://www.socpol.ru/publications/pdf/regions_2010.pdf (проверено 8.01.2019).

Иванов В. (2008) «Формы правления и политического режима: В поисках нового содержания» // *Логос*, № 6: 121—155. URL: http://www.prognosis.ru/logos/2008-6_Logos.pdf (проверено 8.01.2019).

Ильин М.В. (2014) «Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I)» // *Полития*, № 4: 58—70. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2014-4\(75\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2014-4(75).pdf) (проверено 8.01.2019).

Ильин М.В. (2015) «Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II)» // *Полития*, № 1: 82—102. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2015-1\(76\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Illin_Politeia-2015-1(76).pdf) (проверено 8.01.2019).

Каспэ С.И. (2007) *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М.: Московская школа политических исследований.

Каспэ С.И. (2012) «О понятии политической формы» // *Полития*, № 4: 5—28. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Kaspe-2012-4.pdf (проверено 8.01.2019).

Каспэ С.И. (2015) «Еще о понятии политической формы: форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину)» // *Полития*, № 2: 54—65. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Kaspe_Politeia-2015-2\(77\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Kaspe_Politeia-2015-2(77).pdf) (проверено 8.01.2019).

Кордонский С.Г. (2007) *Ресурсное государство*. М.: Regnum.

Костомаров Н.И. (1905) «Начало единодержавия в древней Руси» // Костомаров Н.И. *Собрание сочинений*. Т. 5. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым: 41—47.

Крадин Н.Н. (1992) *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.

Крадин Н.Н. и Т.Д.Скрынникова. (2006) *Империя Чингисхана*. М.: Восточная литература.

Леденева А.В. (1997) «Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост)советская корпоративность?» // *Pro et Contra*, т. 2, № 4: 113—124.

Олсон М. (2010) «Диктатура, демократия и развитие» // *Экономическая политика*, № 1: 167—183.

Павловский Г.О. (2015) *Система РФ. Источники российского стратегического поведения: метод George F. Kennan*. М.: Европа.

Панеях Э. (2001) «Формальные правила и неформальные институты их применения в российской экономической практике» // *Экономическая социология*, т. 2, № 4: 56—68. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204947/ecsoc_t2_n4.pdf (проверено 8.01.2019).

Пивоваров Ю.С. и А.И.Фурсов. (2001) «„Русская Система“ как попытка понимания русской истории» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 5—37.

Преображенский А.А., Л.Е.Морозова и Н.Ф.Демидова. (2011) *Первые Романовы на российском престоле*. М.: Русское слово.

Пушкарев С.В. (2011) «О причинах возникновения нетипичных форм государственного правления» // *Современное право*, № 7: 17—20.

Сарапулов А.Н. (2014) «Системы земледелия на территории Пермского Предуралья в VII—XV вв.» // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3: Гуманитарные и общественные науки*, вып. 1: 6—15. URL: <http://vestnik3.pspu.ru/files/3-2014-1.pdf> (проверено 8.01.2019).

Селеев С. и А.Павлов. (2016) *Гаражники*. М.: Страна ОЗ.

Степынин В.А. (1976) *Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.)*. Новосибирск: Наука.

Сумбатян Ю.Г. (2001) «Монархия — традиционная форма государственности» // *Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки*, № 1: 120—126.

Тилли Ч. (2010) *Борьба и демократия в Европе, 1650—2000 гг.* М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Успенский Б.А. (1998) *Царь и Патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)*. М.: Языки русской культуры.

Филиппов А.Ф. (2008) *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль.

Цымбурский В.Л. (2007) *Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы, 1993—2006*. М.: РОССПЭН.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. (2018) М.: Росстат.

Шерстова Л.И. (2004) «Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов» // Резун Д.Я., ред. *Сибирский пламенный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века*. Новосибирск: Сибирский хронограф: 61—71.

Шигалин Г.И. (1956) *Военная экономика в первую мировую войну, 1914—1918 гг.* М.: Воениздат.

Шитова Е.Н. (2014) «„Демократии с прилагательными“ в политологическом дискурсе» // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология*, № 3: 98–102. URL: https://soziopolit.sgu.ru/sites/soziopolit.sgu.ru/files/journal_full/sociologiya_2014_3_0.pdf (проверено 8.01.2019).

Шпенглер О. (1993) *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории*. М.: Мысль.

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

Bliakher L. (2013) «The Regional Barons» // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30–39.

Engerman D. (2009) *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. New York: Oxford University Press.

Scott J.C. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press.

Scott J.C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.

Wagemann E. (1952) *Economia mundial*. Santiago de Chile Uniwersitet Press.

Werger M.A. and M. van Staalduin, eds. (2012) *Eurasian Steppes: Ecological Problems and Livelihoods in a Changing World*. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer.

политика

L.E.Bliakher

POLITICAL FORM OF RUSSIA AND SOCIO-POLITICAL STRUCTURES OF NORTH EURASIA

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University (Khabarovsk).
Email: leonid743342@mail.ru.

Abstract. The article attempts to describe the political form of Russia on the basis of the specifics of the landscape of Northern Eurasia, as well as the characteristics of settlement and management on this territory. In their turn, these factors determine such important features of Northern Eurasia as the initial autonomy and autarky of households, the lack of need for local communities to resort to external “tools” and forms of macro-social organization (including political structures). At the same time, as shown in the article, external forces (sedentary civilizations) found it too costly, or even

economically meaningless, to exploit such communities, because the costs of controlling the territories of Northern Eurasia exceeded the benefits of the surplus product.

Under special conditions, primarily related to climatic cataclysms, local communities, however, united into large systems that implied certain political structures. In this case authorities played a borderline role between society and the exogenous highest force, acting as a mediator of political meanings. At the same time, authorities did not so much extract the surplus product produced in the society — rather they distributed the resources received from the outside sedentary civilization. They did so in accordance with the place of an individual in the hierarchy, his/her proximity to the mediator. Which political form was built — a “common dress” for different communities included in the political body — depended on the source of higher meanings, the method for obtaining monopoly on translating those meanings, the existing options for acquiring the distributed resources, and the principles of distribution.

The author traces how these features, which are in general inherent in Northern Eurasia, manifested themselves in the establishment and evolution of political forms in Rus, Russia, the USSR, and the Russian Federation.

Keywords: political form, power, respect, Northern Eurasia, Russia, nomadic peoples, sedentary civilizations, costs of control, autarky, household, empire

References

- Aristotle. (1937) *Afinskaja politija* [Athens Polity]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo. (In Russ.)
- Bessonova O.E. (2006) *Razdatochnaja ekonomika Rossii: Evoljutsija cherez transformatsii* [Russia's Distributing Economics: Evolution through Transformations]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Bliakher L. (2013) “The Regional Barons” // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30–39.
- Bliakher L.E. (2014) *Iskusstvo neupravljajemoj zhizni: Dal'nij Vostok* [The Art of Uncontrolled Life: The Far East]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Bliakher L.E. (2017) Strategii vyzhivaniya v uslovijakh krizisa: O dal'nevostochnykh predprinimatel'jakh i ne tol'ko [Survival Strategies in Crisis Situation: On Far East Entrepreneurs and Not Just on Entrepreneurs]. Moscow: Strana OZ. (In Russ.)
- Bliakher L.E. and F.N.Salimov. (2008) “Respublika Tadjikistan — problemnyj uzel Tsentral'noj Azii [The Republic of Tajikistan as a Knot of Central Asia's Problems] // *Politeia*, no. 2: 6–17. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Blyaher_Salimov-2008-2.pdf (accessed 8.01.2019). (In Russ.)
- Braudel F. (2002) *Sredizemnoe more i sredizemnomorskij mir v epokhu Filippa II: V 3 ch. Ch. 1: Rol' sredi* [La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. T. 1: La part du milieu]. Moscow: Jazyki slavjanskij kul'tury. (In Russ.)

Braudel F. (2006) *Material'naja tsivilizatsija, ekonomika i kapitalizm, XV—XVIII vv. T. 1: Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Civilisation materielle, economic et capitalisme, XVe—XVIIIe siecles. T. 1: Les structures du quotidien: le possible et l'impossible]. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)

Chislennost' naselenija Rossijskoj Federatsii po munitsipal'nym obra-sovanijam na 1 janvarja 2018 goda [Population of the Russian Federation by Municipalities as of 1 January 2018]. (2018) Moscow: Rosstat. (In Russ.)

Danilevsky I.N. (1998) *Drevnjaja Rus' glazami sovrenennikov i potomkov (IX—XII vv.): Kurs leksij* [Ancient Rus in the Perception of Contemporaries and Descendants, 9th—12th Centuries]. Moscow: Aspect-Press. (In Russ.)

Engerman D. (2009) *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. New York: Oxford University Press.

Filippov A.F. (2008) *Sotsiologija prostranstva* [Sociology of Space]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Gerasimov I., ed. (2017a) *Novaja imperskaja istorija Severnoj Evrazii. Ch. 1: Konkurirovajushchie proekty samoorganizatsii, VII—XVII vv.* [A New Imperial History of Northern Eurasia. Part 1: The Competing Projects of Self-Organization, 7th—17th Centuries]. Kazan: Ab Imperio. (In Russ.)

Gerasimov I., ed. (2017b) *Novaja imperskaja istorija Severnoj Evrazii. Ch. 2: Balansirovanie imperskoj situatsii, XVIII—XX vv.* [A New Imperial History of Northern Eurasia. Part 2: Balancing the Imperial Situation, 18th—20th Centuries]. Kazan: Ab Imperio. (In Russ.)

Husserl E. (2001) *Kartezianskie razmyshlenija* [Cartesianische Meditationen]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Ilyin M.V. (2014) "Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i tsivilizatsionnykh prostranstvakh (I)" [Alternative Political Forms in Historical Times and Civilizational Spaces (I)] // *Politeia*, no. 4: 58—70. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Ilin_Politeia-2014-4\(75\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Ilin_Politeia-2014-4(75).pdf) (accessed 8.01.2019). (In Russ.)

Ilyin M.V. (2015) "Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i tsivilizatsionnykh prostranstvakh (II)" [Alternative Political Forms in Historical Times and Civilizational Spaces (II)] // *Politeia*, no. 1: 82—102. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Ilin_Politeia-2015-1\(76\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Ilin_Politeia-2015-1(76).pdf) (accessed 8.01.2019). (In Russ.)

Ivanov V. (2008) "Formy pravlenija i politicheskogo rezhima: V poiskakh novogo sodержanija" [Forms of Government and Political Regime: Looking for a New Content] // *Logos*, no. 6: 121—155. URL: http://www.prognosis.ru/logos/2008-6_Logos.pdf (accessed 8.01.2019). (In Russ.)

Kaspe S.I. (2007) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma* [Centers and Hierarchies: The Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]. Moscow: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. (In Russ.)

Kaspe S.I. (2012) "O ponjatii politicheskoy formy" [On the Notion of Political Form] // *Politeia*, no. 4: 5—28. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Kaspe-2012-4.pdf (accessed 8.01.2019). (In Russ.)

Kaspe S.I. (2015) “Eshche o ponjatii politicheskoy formy: forma i sub”ekt (Otvét Mikhailu Il’inu)” [More on the Notion of Political Form: Form and Subject (Response to Mikhail Ilyin)] // *Politeia*, no. 2: 54–65. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Kaspe_Politeia-2015-2\(77\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Kaspe_Politeia-2015-2(77).pdf) (accessed 8.01.2019). (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2007) *Resursnoe gosudarstvo* [The Resource State]. Moscow: Regnum. (In Russ.)

Kostomarov N.I. (1905) “Nachalo edinoderzhavija v drevnej Rusi” [The Beginning of a Monocracy in Ancient Rus] // Kostomarov N.I. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Vol. 5. St Petersburg: Obshchestvo dlja posobija nuzhdajushchimsja literatoram i uchenym: 41–47. (In Russ.)

Kradin N.N. (1992) *Kochevye obshchestva* [Nomadic Societies]. Vladivostok: Dal’nauka. (In Russ.)

Kradin N.N. and T.D.Skrynnikova. (2006) *Imperija Chengiskhana* [The Empire of Genghis Khan]. Moscow: Vostochnaja literatura. (In Russ.)

Ledeneva A.V. (1997) “Neformal’naja sfera i blat: grazhdanskoe obshchestvo ili (post)sovetskaja korporativnost’?” [The Informal Sector and Blat: Civil Society or (Post)Soviet Corporativity?] // *Pro et Contra*, vol. 2, no. 4: 113–124. (In Russ.)

Olson M. (2010) “Diktatura, demokratija b razvitie” [Dictatorship, Democracy, and Development] // *Ekonomicheskaja politika* [Economic Policy], no. 1: 167–183. (In Russ.)

Paneyakh E. (2001) “Formal’nye pravila i neformal’nye instituty ikh primeneniya v rossijskoj ekonomicheskoy praktike” [Formal Rules and Informal Institutions in Russian Economic Life] // *Ekonomicheskaja sotsiologija* [Economic Sociology], vol. 2, no. 4: 56–68. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204947/ecsoc_t2_n4.pdf (accessed 8.01.2019). (In Russ.)

Pavlovsky G.O. (2015) *Sistema RF. Istochniki rossijskogo strategicheskogo povedeniya: metod George F. Kennan* [The Russian Federation System. The Sources of Russian Strategic Behavior: George F. Kennan’s Approach]. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Pivovarov Yu.S. and A.I.Fursov. (2001) “„Russkaja Sistema“ kak popytka ponimaniya russkoj istorii [“Russian System” as an Essay of Grasping Russian History] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 5–37. (In Russ.)

Preobrazhensky A.A., L.E.Morozov, and N.F.Demidova. (2011) *Per-vye Romanovy na rossijskom prestole* [The First Romanovs on the Russian Throne]. Moscow: Russkoe slovo. (In Russ.)

Pushkarev S.V. (2011) “O prichinakh vznikenija netipichnykh form gosudarstvennogo pravljenija” [About the Occurrence Reasons of Atypical Forms of the State Board] // *Sovremennoe pravo* [Modern Law], no. 7: 17–20. (In Russ.)

Sarapulov A.N. (2014) “Sistemy zemledelija na territorii Permskogo Predural’ja v VII–XV vv.” [Agricultural Systems in Perm Region of the Western Urals in 7th–15th Centuries] // *Vestnik Permskogo gosudarstvenno-gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. 3: Gumanitarnye*

i obshchestvennye nauki [Perm State Humanitarian Pedagogical University Herald. Series 3: Humanities & Social Sciences], issue 1: 6–15. URL: <http://vestnik3.pspu.ru/files/3-2014-1.pdf> (accessed 8.01.2019). (In Russ.)

Scott J.C. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press.

Scott J.C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.

Selev S. and A.Pavlov. (2016) *Garazhniki* [Garages]. Moscow: Strana OZ. (In Russ.)

Sherstova L.I. (2004) “Russkie i aborigeny Juzhnoj Sibiri: evrazijskaja osnova etnokul’turnykh kontaktov” [Russians and Aboriginal Populations of Southern Siberia: Eurasian Basis of Ethnocultural Contacts] // Resun D.Ya., ed. *Sibirskij plavil’nyj kotel: sotsial’no-demograficheskie protsessy v Severnoj Azii XVI — nachala XX veka* [Siberian Melting Pot: Socio-Demographic Processes in Northern Asia at the 17th — the Beginning of the 20th Centuries]. Novosibirsk: Sibirskij khronograf. (In Russ.)

Shingalin G.I. (1956) *Voennaja ekonomika v pervuju mirovuju vojnu, 1914—1918 gg.* [War Economy during the First World War, 1914—1918]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)

Shitova E.N. (2014) “„Demokratii s prilagatel’nymi“ v politologicheskom diskurse” [“Democracy with Adjectives” in the Discourse of the Political Science] // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Ser. Sotsiologija. Politologija* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Sociology. Politicalology], no. 3: 98–102. URL: https://soziopolit.sgu.ru/sites/soziopolit.sgu.ru/files/journal_full/sociologiya_2014_3_0.pdf (accessed 8.01.2019). (In Russ.)

Spengler O. (1993) *Zakat Evropy: Oчерki morfologii mirovoj istorii* [Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte]. Moscow: Mysl’. (In Russ.)

Stepynin V.A. (1976) *Agrarnye otnoshenija v Sebiri perioda imperializma (1900—1917 gg.)* [Agricultural Relations in Siberia of the Imperialist Period (1900—1917)]. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Sumbatyan Yu.G. (2001) “Monarkhija — traditsionnaja forma gosudarstvennosti” [Monarchy as a Traditional Form of Statehood] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science], no. 1: 120–126. (In Russ.)

Tilly Ch. (2010) *Bor’ba i demokratija v Evrope, 1650—2000 gg.* [Contention and Democracy in Europe, 1650—2000]. Moscow: Izdatel’skij dom NIU VShE. (In Russ.)

Tzymbursky V.L. (2007) *Ostrov Rossija: Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty, 1993—2006* [The Island of Russia: Geopolitical and Chronopolitical Works, 1993—2006]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Uspensky B.A. (1998) *Tsar’ i Patriarkh: Kharizma vlasti v Rossii (Vizantijskaja model’ i ee russkoe pereosmyslenie)* [Tsar and Patriarch: Charisma of the Power in Russia (The Byzantine Model and Its Russian Reconsideration)]. Moscow: Jazyki russkoj kul’tury. (In Russ.)

Vernadsky G.V. (1997) *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. Tver: LEAN, Moscow: AGRAF. (In Russ.)

Vodarsky Ya.E. (1977) *Naselenie Rossii v kontse 17 — nachale 18 veka* [Russia's Population at the End of the 17th and the Beginning of the 18th Centuries]. Moscow: Nauka. URL: http://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka (accessed 8.01.2019). (In Russ.)

Volkov V.V. (2012) *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: Ekonomiko-sotsiologicheskij analiz* [Power Business in the 21st Century: Economic and Sociological Analysis]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Wagemann E. (1952) *Economia mundial*. Santiago de Chile Uniwersitet Press.

Werger M.A. and M. van Staaldin, eds. (2012) *Eurasian Steppes: Ecological Problems and Livelihoods in a Changing World*. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer.

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Zubarevich N.V. (2010) *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsija* [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow: Nezavisimyj institute sotsial'noj politiki. URL: http://www.socpol.ru/publications/pdf/regions_2010.pdf (accessed 8.01.2019). (In Russ.)